

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

ПОХИЩЕННОМУ
ВЕРИТЬ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художника *В. Щербакова*
Иллюстрация художника *В. Остапенко*

Леонов, Николай Иванович.
Л47 Похищенному верить / Николай Леонов, Алексей
Макеев. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Черная
кошка).

ISBN 978-5-04-097045-2

Совершено нападение на конвой, перевозивший опасного преступника по кличке Хамелеон. Охранники убиты, заключенный пропал без вести. Что это — хорошо спланированный побег или дерзкое похищение? Полковники МВД Гуров и Крячко выясняют, что Хамелеон был владельцем уникальной картотеки, в которой хранились досье на самых богатых людей города. Похоже, кому-то понадобился этот архив, чтобы потрясти толстосумов. Гуров понимает, что это неизбежно повлечет новые жертвы, и пытается определить место следующего преступления. И в этот момент приходит подсказка от... самого Хамелеона.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097045-2 © Макеев А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Похищенному верить

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Автозак въехал на тюремный двор тверского СИЗО ровно в полдень. Со стороны пассажирского сиденья открылась дверь, оттуда выпрыгнул высокий рыжеволосый охранник. Стук тяжелых кирзачей о бетонные плиты тюремного двора гулким эхом отразился от сырой штукатурки, толстым слоем покрывающей кирпичный забор. Ноги по щиколотку утонули в огромной луже. Охранник чертыхнулся, когда фонтан брызг, поднятый кирзачами, ударил по внутренней стороне брезентовой плащ-палатки, и жижа потекла за голенища. Накинув на голову капюшон, он быстрым шагом пересек двор, нырнул под козырек и, стряхнув осевшую на плаще и брючинах влагу, вошел в помещение КПП.

Справа от двери располагалась крохотная, два на два метра, комната дежурного, которую от пропускного тамбура отделяла ячеистая решетка. Сама комната выглядела по-спартански: старый полированный стол, привинченный к стене, два стула, обтянутых линиялым дерматином, странного вида тумбочка и кушетка у стены. На фоне древней мебели современный компьютер выглядел как артефакт.

Дежурный охранник бросил на вошедшего хмурый взгляд. В помещении было прохладно, начала отопительного сезона ждать предстояло больше месяца, а погода в этом году выдалась на редкость холодная. Дождь

нескончаемым потоком лил две недели кряду, ртутный столбик уличного термометра не поднимался выше десяти градусов, и, ко всему прочему, холодный северный ветер завывал и днем и ночью. Если учесть, что на перекидном календаре, выставленном на столе дежурного, желтые листы с надписью «Сентябрь» успели перевернуть не больше пяти раз, хмурое выражение лица дежурного было вполне объяснимо.

— Здорово живешь, Талихин, — обстукивая кирзачи о порог, бодро проговорил вошедший. Возле него успела натечь приличная лужица.

— Кончай уже воду лить, Бутунин, — проворчал вместо приветствия дежурный Талихин. — Ты через пять минут свалишь, а мне в этой мокроте еще шесть часов мерзнуть.

— Так куда я ее дену, чудака-человек? Не видишь, что на улице творится? — Бутунин выудил из-за пазухи пластиковую папку, достал документы и сунул их в зарешеченное окошко дежурки. — Заполний бумаги на выдачу. Чем быстрее справишься, тем быстрее я свалю.

— На кого заявка? — листовая бумаги, спросил Талихин.

— Да ничего особенного, — вяло повел плечами Бутунин. — Шаповалова забираем.

— Хамелеона? — заметно оживился Талихин. — Я слышал, его в Москву переводят? Повезло ему.

— Это нам с Думчевым повезло. Легкая работенка. — Бутунин оперся на решетку и, понизив голос, спросил: — А правда, что этот Хамелеон тридцать раз богачей с носом оставлял? Говорят, о нем столько баек по изолятору ходит, за год не переслушать.

— Может, так, а может, и нет, — уловив боковым зрением, как в углу под потолком замигала красная точка, уклонился от ответа Талихин. Поведение его резко изменилось. — Мы здесь не для того посажены, чтобы о чужих преступлениях истории собирать.

— Да почему бы не совместить? Приятное с полезным, так сказать, — хмыкнул Бутунин. — Вот мы с Думчевым истории любим. И реальные, и выдуманные, лишь бы веселые.

— У нас здесь намного строже. Неуставные разговоры не приветствуются. — В голосе Талихина зазвучал такой лед, что Бутунин удивленно взглянул на дежурного. С охранником Талихиным он был знаком почти десять лет, но впервые тот не пожелал поддержать легкий, непринужденный разговор, да еще и про запрет неуставных разговоров речь завел.

— Ты, часом, не заболел? — озабоченно поинтересовался Бутунин. — Или мозг у тебя плесень разъела? От сырости. Чего на людей бросаешься?

Талихин поднялся со стула, как-то странно повернулся спиной и, выставив руку с документами вперед, громко спросил:

— Это ваша подпись? — Потом тихо добавил, так, чтобы услышал только Бутунин: — Камеры, болван. Проверка бдительности «Всевидящее око». — И снова заговорил в полный голос: — Так ваша подпись, товарищ Бутунин?

Бутунин проследил за взглядом дежурного. В дальнем левом углу на камере видеонаблюдения загорелся красный индикатор. Это означало, что идет просмотр в реальном времени — нововведение во внутренней политике изолятора, навязанное сверху. Кто-то из столичных умников решил, что непринужденные отношения между охраной снижают бдительность и приводят к нежелательным последствиям, и теперь работа контрольно-пропускных пунктов фиксировалась не только видеозаписью, но и просмотром и прослушкой коллег их же коллегами.

— Да, это моя подпись, — кивнул Бутунин, тут же переходя на деловой тон.

— Ожидайте снаружи. Проверка бумаг займет какое-то время, — сухо объявил Талихин. — Как только заключенный будет доставлен, я вас извещу.

Тащиться под проливной дождь Бутунину ужасно не хотелось, но правила есть правила. Пришлось шлепать обратно по лужам и пытаться забраться в кабину, не замочив сиденья промокшим плащом. Напарник Бутунина, Владислав Думчев, мирно дремал, откинувшись на спинку кресла. Услышав, как хлопнула дверца, он приоткрыл один глаз, удивленно посмотрел на Бутунина, но промолчал. Видно, решил не тратить драгоценные минуты отдыха на пустой треп. В отличие от напарника Думчев не был любителем поточить лясы. Возраст его приближался к пенсионному, и с годами он все чаще мечтал об одиночестве, предпочитая любым увеселительным мероприятиям тихий вечер в холостяцкой «однушке».

А Бутунин об этом даже не подозревал. Он рассказывал напарнику анекдоты, над которыми тот почти никогда не смеялся, читал вслух заинтересовавшие статьи из Интернета, делился личными новостями, и все это под невозмутимое молчание Думчева. Вот и сейчас, не успев забраться в кабину, он принялся объяснять, почему не остался в дежурке КПП, а вернулся в машину. Думчев поморщился, но традиционно промолчал. Бутунин повозмутился немного и затих. Веки его начали наливаться тяжестью. Еще немного, и он окунулся бы в сладкую полудрему, но тут заработала встроенная в приборную панель рация. Дежурный с КПП сообщил, что заключенный доставлен.

На передачу заключенного ушло минут пять. Сотрудники следственного изолятора торопились вернуться в теплое нутро тюремных кабинетов. Никому не хотелось мокнуть под дождем дольше, чем это было необходимо. Поэтому все формальности были улажены в ускоренном темпе, и через тридцать минут после прибытия автозак покинул тюремный двор. В кузове, прямоугольной металлической коробке без единого окна, находился единственный заключенный, вор по кличке Хамелеон.

В тверском СИЗО он пробыл пару недель, и за это время его фигура успела обрасти огромным количеством

слухов и сплетен, отчасти правдивых, отчасти надуманных. Кто-то этим слухам верил безоговорочно, кто-то допускал, что правдой может быть ровно половина, но в одном сходились все: Ваня Шаповалов по кличке Хамелеон — нереально везучий сукин сын. Даже то, что две недели назад Хамелеона взяли на краже с поличным, этого мнения не изменило.

В тринадцать часов пополудни тюремный автозак миновал контрольно-пропускной пункт на выезде из города, а еще через полчаса выехал на сто пятое шоссе, ведущее в столицу. Бутунин облегченно вздохнул и, устроившись на сиденье поудобнее, закрыл глаза, намереваясь вздремнуть. Перевозка не представляла сложностей: дорога хорошая, автострада прямая до самой Москвы, на автозаке займет часа четыре плюс пара часов по Москве до Лефортовского СИЗО, где их уже ждали. Сдать Хамелеона охранникам, оформить бумаги на передачу, и можно возвращаться.

Оба охранника, и Бутунин и Думчев, жили в Твери на постоянной основе. Думчев владел ведомственной однокомнатной квартирой, вполне приличной для холостяка, Бутунин с семьей занимал просторный частный дом: сто квадратов на шесть человек. Родственниками Бутунин был богат. Супруга, двое детей, тесть и родная мать. И все жили под одной крышей. Несмотря на то что родственников он безумно любил, тем не менее радовался, когда удавалось напроситься на этапирование по долгому перегону. На этот раз маршрут этапирования долгой отлучки не предполагал, и Бутунин спешил воспользоваться несколькими часами относительного покоя.

Миновали указатель деревни Городня. На этом отрезке с автострады виднелась полоска речного берега. Думчев воду любил, но на этот раз бурая пенистая водная масса его не вдохновляла. Дождь так и не прекратился. Срывающийся с небес водопад обрушивался на асфальт, на кроны деревьев, на кусты и пожухлую траву. Вода сте-

калась в один сплошной поток и неслась к реке мутной жижей, попеременно с землей и глиной.

На перегоне от Старого Мелково до Мокшино был мост, но до него автозаку пришлось практически плыть по автостраде. Дорога шла в низине, заболоченная местность разбухла до безобразия, даже асфальтовое покрытие неестественно вздулось. Думчев снизил скорость до шестидесяти, потом до сорока, но подозревал, что и это не предел. До моста кое-как добрались. Почти ошупью, под проливным дождем, заливающим лобовое стекло, доехали до середины моста, и тут впереди что-то загромыхало.

— Что за черт? — выкрикнул Думчев и резко ударил по тормозам. Машину повело в сторону, и он вцепился в руль, пытаясь удержать машину на дороге.

— Эй, полегче! — заворчал Бутунин, ударившись головой о стойку. — У меня башка не казенная.

— Не ворчи! — оборвал его Думчев. — Надевай плащ, нужно посмотреть, что там впереди.

— В каком смысле? — не понял Бутунин, голова спростонья работать отказывалась. — Ты что, заблудился? Снова сократить решил? Ну, даешь! И как только тебя до сих пор из конвоя не выперли? Ведь есть же четкие инструкции: при этапировании одного или нескольких заключенных менять маршрут категорически запрещается. Так нет, каждый раз одно и то же. Что тебе на этот раз не понравилось? Мост слишком узок или асфальт не так положен?

— Вперед посмотри, — пропустив мимо ушей тираду Бутунина, проговорил Думчев. — Видишь, что творится?

Тот бросил быстрый взгляд в лобовое стекло и уже не смог его отвести. Часть моста заволокло плотным черным дымом, настолько плотным и густым, что даже проливной дождь с ним не справлялся.

— Вот черт! — чертыхнулся Бутунин. — Это что еще за хрень?

— Похоже, произошел взрыв или случилось что-то, что по звуку напоминает взрыв. Может быть, там авария, а может, и нет. Но проверить нужно, из-за дыма мы не можем двигаться.

— Стоять здесь тоже не самая гениальная идея, все-таки у нас арестант в кузове, — заметил Бутунин.

— Вот и не стой. Пошевеливайся, Бутунин, пошевеливайся!

— Да почему снова я? — возмутился охранник.

— Да потому, что я за рулем, — вспылил Думчев. — Иди, тебе говорят! И давай не задерживайся там.

— Ладно, ладно, иду.

Это были последние слова, которые охранник Бутунин произнес в своей жизни. Рука его легла на дверную ручку, открывая запорный механизм, но как только защелка вышла из пазов, дверь вырвало из рук Бутунина, и его самого понесло следом за дверцей. Порыв ветра хлестнул по лицу ледяным веером дождевых струй. Вода попала в глаза, заставив Бутунина зажмуриться. Он закрыл глаза всего на мгновение. На один короткий миг. Как оказалось, этот миг стал роковым и для него, и для его напарника.

Думчев не отрывал взгляда от дымовой завесы, накрывшей мост. Еще до того, как автозак подъехал к мосту, он ощутил какое-то смутное беспокойство, но отнес его на счет дождя, зарядившего две недели назад, конца которому видно не было. Теперь же беспокойство переросло в твердую уверенность, что простым этому перегоно уже не быть. Когда со стороны пассажирского сиденья раздались глухие хлопки, мозг безошибочно идентифицировал их как выстрелы.

Защитный рефлекс сработал мгновенно: Думчев пригнулся и одновременно протянул руку к оружию. Автомат, небрежно засунутый между спинками сидений, зацепился за рычаг. Думчев дернул повторно. «Не может быть, чтобы все так закончилось! — Мысли неслись

галопом. — Не может быть, чтобы это был последний перегон. Без паники, у тебя оружие, а это значит, что не все потеряно».

Автомат не поддавался. Думчев все тянул и тянул, а снаружи не доносилось ни звука. «Почему они молчат? Почему не пытаются убить меня? Или я все выдумал? Выстрелов не было, Бутунину ничто не грозит, и сейчас он вернется в машину с новостями. С хорошими новостями». Но Думчев и сам в это не верил. То, что он еще жив, всего лишь случайность, отсрочка неизбежного. Пройдет всего пару минут, и все изменится. «Но эти минуты мои, и я должен ими воспользоваться. — Думчеву удалось освободить ремень автомата, он подтянул к себе оружие и, не сводя глаз с распахнутой двери, начал шарить по обшивке позади себя. — Где эта ручка, черт бы ее побрал! Шевелись, Думчев, шевелись!»

Ухо уловило едва слышное движение за металлической перегородкой, отделяющей салон водителя и кузов арестанта. «Ничего, никуда он не денется. Сначала разберусь с ситуацией, а потом подумаю о нем». Думчев нащупал-таки ручку, обхватил ее рукой и начал медленно поворачивать. Тихий щелчок, и дверь открылась. Не оглядываясь, он начал сползать с сиденья, пока не ощутил под собой твердую землю. Выпрямившись, Думчев потянул на себя автомат и вдруг услышал за спиной ледяной, с едва заметной гнусавинкой, голос:

— А вот это уже лишнее, автомат тебе больше не пригодится.

Думчев отпустил оружие и развернулся. Его глаза встретились с колючим взглядом обладателя гнусавого голоса. «Надо же, совсем...» Додумать мысль он не успел, так как в ту же секунду раздался глухой щелчок, и во лбу охранника возникла аккуратная дырочка. Тонкая струйка крови потекла к переносице.

— Так-то лучше, — произнес гнусавый. — А теперь переходим к главному.

Старший оперуполномоченный Главного управления угрозыска полковник Лев Иванович Гуров сидел в своем кабинете на Петровке и откровенно скучал. Нет, не просто скучал, он буквально изнемогал от скуки. Сейчас Лев с радостью занялся бы даже рутинной бумажной волокитой, но и эта деятельность была ему недоступна. Последний отчет по текущим делам он составил и сдал два дня назад, а новой работы за этот период не появилось.

Казалось, город затих, и преступная жизнь в нем замерла на веки вечные. Ни громких заказных убийств, ни трупов, найденных в мусорном баке на заднем дворе фешенебельного ресторана, ни маньяков, гоняющихся по Москве с опасной бритвой в руках и полосующих невинных граждан. Будто в столице вдруг объявили мораторий на преступления. Сами преступники объявили и неукоснительно его соблюдали.

Гуров полагал, что в этом повинен дождь. Нудный, непрекращающийся поток, льющийся с небес. Нет, полковник не был против мирного существования, он не являлся поклонником жестоких расправ над безоружными горожанами, не приветствовал бандитские разборки. Он вообще не любил преступления. Просто оперативный опыт подсказывал ему, что после такого затишья непременно поднимется буря. Не природный катаклизм, а криминальный. И тогда волна преступлений захлестнет столицу почище дождевой влаги, что парализует деятельность города вот уже две недели кряду, чего он точно не хотел.

Но надеяться на то, что с желаниями полковника угрозыска станут считаться природа или уголовный элемент, не приходилось. Да что природа! Его родная жена, ведущая актриса московского театра Мария Строева, и так вдруг решила, что слишком часто потакала желаниям мужа, и, вопреки его настойчивым протестам, укатила в Сочи. И ладно бы на гастроли, так нет же, просто «отдохнуть». Нет, против отдыха супруги Гуров тоже не возражал, но почему именно сейчас? Именно тогда, когда